

УДК 347.27.01

К вопросу о сущности залога в российском гражданском праве

Скворцова Татьяна Александровна, доцент кафедры гражданского права и процесса, Ростовский государственный университет путей сообщения, кандидат юридических наук, доцент, tas242@yandex.ru

Моисеенко Александр Владимирович, магистрант, Ростовский государственный университет путей сообщения, grip@rgups.ru

Статья посвящена исследованию правовой природы залога в российском гражданском праве и обоснованию дуалистической модели, сочетающей обязательственно-правовое содержание и вещно-правовую форму реализации обеспечительного притязания. На основе системного анализа норм Гражданского кодекса Российской Федерации (в том числе ст. 313, 334, 336, 345), сопоставления доктринальных подходов (вещного, обязательственного и смешанного) и осмысления актуальных разъяснений судов показано, что залоговое право не сводится ни к чистому вещному господству, ни к простому обязательству обеспечения: акцессорность, приоритет удовлетворения и оборотоспособность обеспечительных прав указывают на обязательственную основу, тогда как право следования и абсолютная защита отдельных правомочий — на вещную проекцию. Обосновывается разграничение режимов залога движимого имущества и ипотеки как форм с различной интенсивностью вещных элементов. Отдельно раскрывается экономико-правовой аспект: залоговая стоимость квалифицируется как самостоятельная оценочная категория, отличная от ликвидационной стоимости, с учетом рисков, издержек реализации и залогового дисконта. Предлагаемая концептуализация «правовая пирамида залога» обеспечивает более точную квалификацию требований об обращении взыскания как способа реализации обеспечительного притязания и повышает предсказуемость правоприменения при конкуренции кредиторов. Теоретическая новизна состоит в интеграции теории правоотношения как связи субъективных прав и обязанностей с вещно-правовыми механизмами защиты интересов залогодержателя, что позволяет последовательно объяснить нормативную двойственность института и ее практические последствия.

Ключевые слова: залог, правовая природа залога, вещные права, обязательственные права, акцессорность, право следования, ипотека, приоритет удовлетворения требований, обращение взыскания, конкурсное производство, залоговая стоимость, ликвидационная стоимость, залоговый дисконт.

Правовая природа залога на протяжении длительного времени остается предметом дискуссии в отечественной цивилистике. Уже исследования в области римского частного права приводили ученых к различным выводам о сущности залога, что, в свою очередь, обуславливало альтернативные подходы к его нормативному конструированию в российском праве. В настоящее время единая устоявшаяся позиция в доктрине отсутствует. В науке традиционно выделяют три концептуальные линии: вещно-правовую, обязательственно-правовую и смешанную (вещно-обязательственную).

Сторонники вещно-правовой трактовки (Е. А. Суханов, Г. Ф. Шершеневич и др.) исходят из того, что залог производится от вещного господства и обеспечивает приоритетное удовлетворение кредитора именно через реализацию правомочий над вещью. Противоположный — обязательственно-правовой — подход (В. В. Витрянский, О. С. Иоффе, В. М. Хвостов и др.) видит в залоге обеспечительное притязание в рамках обязательственного отношения между кредитором и должником. Третий, синтетический, подход (А. А. Вишневский, О. Б. Гусев, Е. Ю. Николаева и др.) рассматривает залог как конструкцию, сочетающую обязательственную основу и вещную форму реализации.

Уже дореволюционная литература отмечала методологические затруднения при квалификации залога. Так, К. Анненков настаивал, что залог — это обязательство с отдельными вещно-правовыми чертами, проявляющимися, в частности, в противостоянии третьим лицам при обращении взыскания и в ограничении правомочий собственника заложенной вещи [1]. А. С. Звоницкий подчеркивал сознательное разграничение правовым порядком внешне схожих по цели сделок: несмотря на функциональную близость, они порождают различные по природе юридические последствия, и потому их искусственное объединение в один институт, равно как и выделение особой группы сделок «в обход интересов кредиторов», теоретически несостоятельно [2]. Эта линия — системное разведение правовых явлений при их внешней схожести — оказалась устойчивой в российской традиции.

Современная доктрина сохраняет многообразие методологических опор. Одним из наиболее последовательных представите-

лей обязательственно-правового взгляда является В. В. Витрянский. Его аргументация опирается на системную логику Гражданского кодекса РФ: нормы о залоге помещены в гл. 23 «Обеспечение исполнения обязательств», тогда как раздел II, посвященный вещным правам, соответствующих предписаний не содержит. Такая структура свидетельствует об институциональной отнесенности залога к сфере обязательственного регулирования. Дополнительные доводы включают:

1) возможность залога не только вещей, но и имущественных прав (ст. 336 ГК РФ), что выходит за пределы классической вещной материи;

2) допустимость установления залога в отношении будущего имущества или имущества с неоформленным титулом, что несовместимо с жесткой привязкой вещного права к индивидуально-определенному объекту;

3) корреляцию с конструкцией исполнения обязательства третьим лицом (ст. 313 ГК РФ), когда риск обращения взыскания падает на имущество, не находящееся в собственности должника;

4) возможность замены предмета залога иным имуществом (ст. 345 ГК РФ), что едва ли согласуется с принципом строгой индивидуализации объектного состава в вещном праве;

5) оборотоспособность обеспечительных правомочий посредством уступки прав по договору залога, что является типично обязательственно-правовым механизмом;

6) конкурсную логику удовлетворения требований в ликвидации: предмет залога не «выпадает» из конкурсной массы, а приоритет обеспечивается через распределение выручки, что указывает на отсутствие у кредитора полного вещного господства над объектом. Процессуальная сторона также интерпретируется в пользу обязательственной модели: удовлетворение осуществляется через реализацию имущества и получение его стоимости, а не через непосредственную трансляцию права собственности кредитору; следовательно, центр тяжести находится в обеспечительном притязании, а не в вещном праве на объект [3].

Альтернативную линию развивает А. А. Вишневский, предлагая рассматривать залог как синтез обязательственной сущности и вещной формы ее реализации. Вещный элемент, по его мысли,

произведен от обеспечительной функции: он возникает постольку, поскольку служит инструментом гарантирования исполнения долга. В этой логике залог — дуалистическая конструкция, где обязательственное содержание «воплощается» в вещной оболочке [4]. Сходной позиции придерживается Д. А. Медведев, характеризуя залог как вещный способ обеспечения: параллельно возникают (а) обязательственная связь залогодателя и залогодержателя и (б) юридическая корреляция кредитора с самой вещью как с обремененным объектом [5].

Наряду с этим Б. М. Гонгало предлагает дифференциацию по объекту: залог движимого имущества — преимущественно обязательно-правовой способ, ипотека — модель с выраженными вещно-правовыми чертами. Приравнение ипотечных отношений к «общим» положениям о залоге (ст. 334 ГК РФ) только при отсутствии специальных норм, по его наблюдению, нивелирует специфику недвижимости и может порождать методологические перекосы [6].

Для корректного ответа на вопрос о природе залога необходимо обратиться к базовым категориям общей теории: «правоотношение» и «субъективное право». В доктрине различают три направления: (1) редукцию правоотношения к урегулированной нормами права социальной связи; (2) понимание правоотношения как особой юридической связи, содержание которой составляют субъективные права и обязанности; (3) интегративный подход, совмещающий оба акцента. Представляется, что первая модель чрезмерно растворяет юридическое в социальном, превращая правоотношение в производную форму общественных отношений, тогда как интегративная версия грешит размыванием границ содержания (как поведения, так и прав и обязанностей). Наиболее убедительной выглядит вторая позиция: правоотношение — самостоятельная правовая связь, содержание которой образуют субъективные права и обязанности; при этом оно всегда укоренено в юридическом факте, что исключает его «оторванность» от социальной реальности.

Синтезируя названные подходы, можно утверждать: современная наука мыслит залог в двух взаимосвязанных плоскостях — как залоговое обязательственное правоотношение и как основанное на нем залоговое право. Между ними имеется отношение части и целого: залоговое право производно от обязательства и не может существовать вне него. Эта иерархия четко прослеживается в трудах Г. Ф. Шершеневича: обеспечительное вещное притязание вторично и возникает лишь после установления основного обязательства; соглашение о будущем залоге не создает вещного права до момента возникновения обязательственной связи [7].

Существенные признаки залога подтверждают его производный характер. Во-первых, акцессорность (ст. 334 ГК РФ): залог не автономен, он существует как юридическое средство обеспечения конкретного обязательства. Даже когда залог устанавливается «в силу закона», его функциональное предназначение — обслуживать договорное или иное обязательство между сторонами. Во-вторых, приоритет удовлетворения требований залогодержателя перед иными кредиторами является системообразующим принципом обеспечительного механизма. В этом измерении Е. А. Суханов относит залог к ограниченным вещным правам: кредитор реализует ограниченное господство над чужим имуществом в установленных законом и договором пределах; возможность установления залога в отношении субъективных прав (включая долю в общем имуществе супругов) при этом привносит обязательственные элементы в конструкцию [8]. Отмечая вещный аспект, В. М. Хвостов указывал на характерную для вещных прав абсолютную защиту интереса за-

лодержателя, включая возможность негаторной и виндикационной защиты от посягательств третьих лиц [9].

Иная акцентировка предложена В. К. Райхером: временная ограниченность залога — аргумент против его полного погружения в вещную сферу, традиционно нацеленную на длительное существование и устойчивость титула [10]. Указанная дихотомия отчасти закреплена и в позитивном праве: регламентация залога сочетает вещные и обязательственные элементы; различается режим залога недвижимости (с более выраженными вещными чертами) и движимого имущества (где преобладает обязательственная логика). Концепция развития гражданского законодательства РФ (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г.) прямо фиксирует эту двойственность: формально право залогодержателя не отнесено к вещным правам, но его регулирование во многом моделируется по вещно-правовым лекалам, что объясняет неоднозначность правоприменительных квалификаций.

Интересную метафорическую модель предлагает А. В. Фишин: «правовая пирамида» залога. Ее основание — обязательно-правовые элементы (акцессорность, сохранение владения за залогодателем, ограничения распоряжения, замещение объекта при утрате), грани — вещные компоненты (право следования, защита от действий третьих лиц и др.). В отдельности ни одна грань не исчерпывает содержание института; целостность возникает в их взаимодействии [11].

Практика подтверждает, что дуализм природы залога становится источником коллизий при квалификации требований: спор идет о праве на имущество или об исполнении обеспечительного обязательства. Верховный Суд РФ последовательно исходит из обязательно-правовой природы иска об обращении взыскания: основанием является неисполнение основного обязательства, предметом — удовлетворение притязаний за счет стоимости заложенного актива; соответственно, нормы о подсудности споров о правах на недвижимость не подлежат прямому применению к таким делам [12]. Впоследствии позиция ВС РФ была уточнена: Постановление Пленума ВС РФ от 27 июня 2023 г. N 23 прямо установило, что иски об обращении взыскания на недвижимое имущество рассматриваются по правилам исключительной подсудности (ст. 30 ГПК РФ) [13]. Такой подход усиливает понимание залога как механизма реализации обеспечительного требования, а не как самостоятельного вещного титула.

Отдельного внимания заслуживает экономическая составляющая. Недопустимо отождествлять «залоговую» и «ликвидационную» стоимость. Ликвидационная стоимость — оценка при вынужденной продаже в сокращенные сроки; залоговая же стоимость — самостоятельная категория, отражающая вероятную сумму, которую кредитор может получить от реализации предмета залога в любой момент в течение срока кредитования с учетом рисков (в т. ч. снижения рыночной цены), затрат на содержание и реализацию, судебных издержек и др. Она производна от рыночной, но ниже ее в силу совокупности рисков и издержек, принимаемых кредитором; разница образует залоговый дисконт. Методика расчета дисконта определяется внутренними документами кредитной организации и зависит от ее риск-аппетита, рыночной стратегии, макроэкономической конъюнктуры, структуры портфеля и иных факторов. В этом плане экономическая функция залога сводится к обеспечению возвратности кредита через трансформацию рисков в приемлемый для кредитора уровень.

Подводя итог, следует признать, что правовая природа залога имеет дуальный характер. Обязательные признаки конструкции —

акцессорность, приоритет удовлетворения, возможность сохранения владения предметом за залогодателем при ограничениях распоряжения, заменимость объекта при утрате — демонстрируют обязательно-правовую основу. Одновременно свойства типа «следования», защита от посягательств третьих лиц и иные элементы внешней проекции указывают на вещную форму реализации обеспечительного притязания. Ни одна из сторон не исчерпывает

содержания института в целом: залог — это обязательственное требование, «воплощенное» в вещной оболочке, позволяющей кредитору удовлетвориться из стоимости определенного имущества. Именно такой двойственный характер и обеспечивает эффективность залога как юридико-экономического механизма минимизации кредитного риска и обеспечения возвратности займа.

Примечания

1. Анненков К. Н. Система русского гражданского права. СПб., 1901. Т. 3.
2. Звоницкий А. С. О залоге по русскому праву. Киев; СПб., 1912.
3. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга 1. Общие положения. М., 2001.
4. Вишневский А. А. Залоговое право. М., 1995.
5. Медведев Д. А. Российский закон о залоге // Правоведение. 1992. N 5.
6. Гонгало Б. М. Понятие залога // Пятый Пермский конгресс ученых-юристов: избранные материалы. М., 2015.
7. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М., 1995.
8. Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М., 2017.
9. Хвостов В. М. Система римского права: конспект лекций. М., 1908.
10. Райхер В. К. Абсолютные и относительные права (к проблеме деления хозяйственных прав) // Вестник гражданского права. 2007. N 2.
11. Фиошин А. В. О правовой природе залога // Нотариус. 2014. N 3.
12. Обзор судебной практики по гражданским делам, связанным с разрешением споров об исполнении кредитных обязательств (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.05.2013) // СПС «КонсультантПлюс».
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 N 23 «О применении судами правил о залоге вещей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. N 8.

English version

The essence of pledge in Russian civil law

Skvortsova Tat'yana Aleksandrovna, associate professor of the department of civil law and procedure, Rostov State Transport University, candidate of sciences (law), associate professor

Moiseenko Aleksandr Vladimirovich, master's student, Rostov State Transport University

The article is devoted to the study of the legal nature of pledge in Russian civil law and to the substantiation of a dualistic model that combines an obligation-based content with a property-law form of exercising the security claim. On the basis of a systematic analysis of the provisions of the Civil Code of the Russian Federation, a comparison of doctrinal approaches (real, obligatory and mixed), and an examination of recent judicial clarifications, it is shown that the law of pledge cannot be reduced either to pure real dominion or to a simple security obligation. Accessoriness, priority of satisfaction and the transferability of security rights indicate an obligatory basis, whereas the right of follow-up (*droit de suite*) and the absolute protection of certain powers point to a property-law dimension. A distinction is drawn between the regimes of pledge over movable property and mortgage as forms with differing intensity of real elements. The article separately discloses the economic and legal aspect: collateral value is classified as an independent evaluative category, distinct from liquidation value, taking into account risks, enforcement costs and collateral discount. The proposed conceptualization of a «legal pyramid of pledge» provides for a more precise qualification of claims for foreclosure as a means of enforcing the security claim and enhances the predictability of law enforcement in situations of creditor competition. The theoretical novelty lies in integrating the theory of legal relations as a linkage of subjective rights and obligations with property-law mechanisms for protecting the interests of the pledgee, which makes it possible to coherently explain the normative duality of the institution and its practical implications.

Keywords: pledge, legal nature of pledge, real rights, obligatory rights, accessoriness, right of follow-up, mortgage, priority of satisfaction of claims, foreclosure, insolvency (bankruptcy) proceedings, collateral value, liquidation value, collateral discount.